

ОТЧАЯВШИЕСЯ И ОЧАРОВАННЫЕ

Давно уже, когда еще я был студентом или гимназистом, мне подарили большое и редкое по отчетливости воспроизведение с Микель-Анджеловского «Страшного суда» — с такими поучительными словами, сказанными мне в художественное назидание: «Обрати внимание на фигуру в позе отчаяния...». Не знаю, почему эта фигура казалась такой важной тому, кто подарил мне снимок. Но с тех пор прошли годы, снимок висит у меня на стене, я часто смотрю на него — и думаю об этом сочетании понятий: поза и отчаяние, — поза отчаяния! Вообще поза чего бы то ни было — все понятно, но поза... отчаяния? как дико!.. и возможно ли?

Мне приходилось много раз потом и слишком часто думать о позерстве и позах. О, слишком часто и слишком много раз! В течение всей эпохи нашего декадентства и символизма — нашей новой романтики, которая вся прошла передо мной с самого¹ возникновения ее, с той минуты, когда она зародилась впервые — и в моем сознании².

Что для меня она не была позой — я знаю хорошо; как знаю хорошо, что она не была позой не *<у>* для одного меня, — а страданием, гибелью, — самоуничтожением! Но сколько было и таких, для которых стала позой. Той романтической игрой, как это было в далекую старину, во времена «печоринства» — и еще раньше. Реализм не может быть позой по своему существу, — романтика, к сожалению, и к ужасу, — сколько угодно. И новая романтика, начавшаяся у нас двадцать лет тому назад в декадентстве и продолжившаяся в символизме была, конечно, правдой, — очень глубокой и важной по своим последствиям; но бывала и позой, иногда невинной, а иногда, может быть, и очень зловредной...

Первая половина нынешнего литературного года вся прошла в выступлениях футуристов, по большей части, увеселительных, на взгляд зрителей.⁸ В ответ им выступали символисты — более солидно, устраивая чуть ли не ученые диспуты.⁹

Символисты³ сами еще не так давно были гонимыми⁴. Теперь за них профессора и передовые газеты — и они борются с футуристами.

Где правда? где поза?

Новая романтика, начавшаяся в декадентстве (как называли ее пренебрежительно «писаревцы» 80-х годов), в течение десяти лет одержала много побед и прежде всего внушала к себе уважение, превратившись⁵ в символизм, и даже основала свою «академию». Так что⁶ всем уже начинало казаться, что символизм — одно из самых благонамеренных явлений нашей жизни, хотя и скучноватое с точки зрения реалиста. Когда символистическая

¹ Вычеркнуто: зарождения

² Далее вычеркнуто: теперь уже двадцать лет тому назад

³ Вычеркнуто: сами они давно уже забыли *<1 нрзб.>*

⁴ Далее вычеркнуто: не так давно пренебрежительно назывались — декадентами

⁵ Вычеркнуто: в своего рода

⁶ Вычеркнуто: никто уже — уже

«академия» — уж не помню точно ее титул: кажется, — «любителей русского слова» — мирно собирались для своих филологических занятий, веяло доброй культурной стариной, Шишковым и Ломоносовым, и даже французами... И вдруг прорвалось. В прошлом году⁷ — одни, в этом году — другие! В прошлом году — в самой редакции «Аполлона», в этом году — футуристы — повсюду, куда не сунешься...⁸

Что такое было декадентство как умственное настроение?

Безверие. Безверие — во всем, до пределов отчаянья. Отчаянье в существовании Бога, в смысле мира, в необходимости общественности, в святые любви и правды. Безверие, подошедшее и 93-го годов, не отказывавшиеся «выдумать» больших и малых богов, делавших революцию за революцией.

А декадентство?

...Каркнул Ворон: никогда!

Или это была только поза? «поза отчаянья» — как поза птицы на бюсте богини?

...И сидит, сидит зловещий Ворон черный, Ворон вещий,
С бюста бледного Паллады не умчится никогда.
Он глядит, уединенный, точно Демон полусонный,
Свет струится, тень ложится, на полу дрожит всегда,
И душа моя из тени, что волнуется всегда,
Не восстанет — никогда!

Поза — или действительный ужас вечного незнанья? расширенных зрачков, заглянувших в пустую бездну? Воистину — заглянувших в ничто и ничего не увидавших?⁹

Отрицать действительность этого¹⁰ отчаянья, выраженного при том с такой математической точностью, значило бы отрицать за современность способность переживать чувства — Иова, Байрона; назвать Эдг^{<ара>} По — шарлатаном.

И декадентство не было позой в своих источниках, в своих основах. И до сих пор еще недостаточно оценена вся «ночная» глубина ницшеанства, вся религиозная страсть Бодлера, вся мистическая острота Эдг^{<ара>} По, вся¹¹ вызывающая безнадежность Метерлинка. Правда «ночного» томления, правда безверия и отчаянья, правда искания и ожидания — подлинной, последней, не утешающей лишь, но — открывающей и ведущей — веры.

И — около этих стен и бродили, и стучались — и входили в двери русские декаденты. Не — в позе тоски и отчаянья, не потому что — «чем молодость ни тешится», но — в правде безверия и искательства.

⁷ Вычеркнуто: акмеисты

⁸ Далее вычеркнуто: Не умеем мы быть академиками!

⁹ Далее вычеркнуто: Нет, нет, не поза, не игра

¹⁰ Вычеркнуто: безнадеж... современного

¹¹ Вычеркнуто: трогательная

Это было на «темной» заре символизма — в 90-х годах в¹² середине или еще в начале, когда мы впервые стали произносить имя Ницше, едва начали читать Тютчева и переводить «Ворона», когда раздались первые стуки в двери — Метерлинка, когда высмеивали первых русских декадентов — одинаково и в «Вестнике Европы», и в «Северном вестнике».

Декаденты молчаливо таились, в одиночестве говорили о своем отчаянии, усталости и бессилии — и открывали между тем своими исканьями то, что не было дано открыть никому до них — в понимании религиозности, искусства, морали. Открывали и многие тайны русского стиха, русской речи...

Но — что-то произошло!.. Как? почему? до сих пор невозможно понять. Или действительно все победили, преодолели — роковое по волшебству, словно подменили — все изменилось! Словно — по волшебству, словно подменили — все изменилось! Как наваждение, как бред, как навязчивая идея. Будто радужная туча спустилась сверху — или радужный туман снизу — из болота? Заволок глаза. Декадентство сменилось символизмом... Уже не отчаянье, а очарование. Не безверие, а вера?..

И притом эта новая романтическая очарованность приобрела сразу же, так же стремительно и неожиданно, как она возникла, характер — не единственный, замкнутый в себе и¹³ уходящий в молчанье — идеи, но в противоположность «декадентству» — какой-то всеобщей, всех охватившей возбужденности, которая слилась еще с возбуждением революционных лет — и понесла в стихию самых неудержимых восторгов и восхищений.

Старая романтика тоже знала, как известно, восторженность, — но до чего не похожи были современные нам¹⁴ очарования — на краткую очарованность тех милых и уютных предков, чья душа была «согрета»

Приветом друга, лаской дев!..

.....
Цель нашей жизни для него
Была заманчивой загадкой:
Над ней он голову ломал
И чудеса подозревал...

В нашей¹⁵ новой «символической» очарованности мы прямо говорили, что мир принадлежит нам. Мы не ломали больше голову над тайной мира; мы считали ее данной нам в руки, так что нам оставалось только отдать ее жизни — воплотить — «творить мифы».

---

¹² Вычеркнуто: начале

¹³ Вычеркнуто: призывающий

¹⁴ Вычеркнуто: восторги

¹⁵ Вычеркнуто: недавней

Правда, тот, кто варьировал этот лозунг в словах «творимая легенда» — помнил декадентскую бездну, произнесся и другие слова «Навьи чары»... Но все слышали только — чары, чары!.. «Будем как Солнце...»

Что ж, будем! отчего не быть?

Солнце играет у меня на пальцах — вот оно! Иду, сияет день, и я — в солнечных лучах. Лег спать, день погас, тьма, — я уснул, чтобы опять проснуться в солнечных лучах.

Будем, как солнце! оно молодое,
В этом завет красоты...

Мы — мифотворцы: дома, на улицах, в театре, в ресторанах, в спальне...

«Каркнул Ворон: никогда!»

Где же поза? где правда?

Один из наших романтиков еще старой формации, содрогаясь перед¹⁶ темной сущностью мира, умолял ночной ветер не напоминать ему об ней, об этой сущности:

О страшных песен сих не пой
Про древний хаос про родимый!

И другой¹⁷ ему вторил:

Мирозданием раздвинут,
Хаос мстительный не спит... (Ал. Толстой)

Да, декадентам приснился сон. Удивительный, живой, подобный самой жизни — и этот сон был символизм, как мировоззрение, как мировосприятие. Восприятие мира — в таком властительном эстетизме, какого не знали ни французский XVII век, ни немецкий XVIII-й. В эстетизме — потому, что все противоречия мира, переживаемые сознанием, казались для символической сомнамбулы — разрешенными.

В этом и заключается слабость символистов, которую чувствуют в них и их враги и друзья. Декадентские томления должны были кончиться не символической сомнамбулой, а чем-то большим, если вспомнить, например, поразительную судьбу — первого из декадентов Александра Добролюбова с его теперешней народной сектой.

---

¹⁶ Вычеркнуто: темным смыслом

¹⁷ Вычеркнуто: Ал. Толстой

Это где-то «в глубине России...» В литературе же — одна часть символистов откололась в прошлом году от своих учителей с тем, чтобы преодолеть романтику, но остаться в пределах «академизма», подбавив в него только позитивной закваски, — назвав этот старый... квас или, в лучшем случае — старое парнасское вино — новым именем (акмеизма). По существу,¹⁸ это те же очарованные. Другая группа, недовольная «академическим» уклоном символизма и не желавшая порывать с романтикой, назвала себя эгофутуристами; в этом году они сами себе чистосердечно присвоили имя «очарованных». Наконец, — футуристы. Это — возврат от символизма к декадентству. Это — снова отчаявшиеся или отчаянные.

Сейчас передо мной тоненький журнальчик (три тетрадочки), похожий на такие же тоненькие выпуски футуристов, но вполне членораздельный во всех отношениях, вполне приличный, даже со стихами Сологуба и З. Гиппиус «Очарованный странник», — «критик-интуит», «апология творческой лжи» с эпиграфом из Оскара Уайльда: «единственная безупречная форма лгания — это ложь ради лжи, а высшей стадией этого дарования является ложь в искусстве». Это — орган эгофутуристов. Они отделяют себя от футуристов, отделяющих себя, в свою очередь, от кубистов, лучших, всех, ничегоков... но это уже такая головокружительная эволюция для одного года, что лучше пока что остаться при добре старине, — различая две группы: футуристов и эго-футуристов, разумея под первыми нечленораздельных, а под вторыми — членораздельных. По существу же, эгофутуристы сами себя назвали выразительным именем — очарованных... Чем очарованных? творческой ложью. Та же символическая сомнамбула. Творческая ложь, «творимая легенда», «мифотворчество»... В этом их¹⁹ основное²⁰ отличие от футуристов. Основное, существенное, — не «литературное». Они себя ничем не обманывают, не впадают ни в какие очарования. Они откровенно отчаявшиеся, если вникнуть в то, «чем люди живы» — не обольщаясь литературной суетой.

Говоря об них, говорят об их стихах, манифестах, пьесах. Их поэзия — или плохая поэзия, или еще не поэзия, — будущая поэзия, утробном бытии...

---

¹⁸ Вычеркнуто: своему настроению

¹⁹ Вычеркнуто: глубо...

²⁰ Вычеркнуто: различие с...